

Александр Талыга

*Когда
давали
ИМЕНА...*

Александр Галыга

Когда давали имена...

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=31186921

ISBN 9785449062291

Аннотация

В сборник вошли стихи автора о вечном. Стихи – они как искры восторга, высекаемые сердцем поэта от увиденной его глазами красоты природы, красоты жизни, неповторимой красоты человеческой души. На обложке картина «У Красного Яра». А. Галыга.

Содержание

Подкатило лето всеу, незаметно	5
Как печальна картина сия	7
Песня	9
Предосенний туман робко тронул подножия сосен	11
Я нарисую птицу	12
Когда раскрывалась душа	14
Он так и умер в неизвестности	16
Песню жизни свою сам пою, создаю	18
Поэзия	19
Поэт в России...	21
Обозлясь на себя и со зла	25
Я стихи сослагал	26
Сыну	27
Мама	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Когда давали имена...

Александр Галыга

© Александр Галыга, 2018

ISBN 978-5-4490-6229-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Подкатило лето всеу, незаметно

Виктору Жданову

Подкатило лето
всеу, незаметно,
и слезою божьей тихо у ручья
вновь роса упала
сонная на скалы,
снова обогрета родина моя.

И не как попало,
медленно, помалу,
солнце сотворило чудо из чудес,
в зёрна хлорофилла
дивно обрядило
эти доли, скалы, небеса и лес.

И опять смущенье,
кто привёл в движенье,
кто создал, лелея, эти существа?
Разве от испуга
гибко и упруго
по сырому лугу клонится трава.

Остаётся спорным:

гордым иль покорным
в стороне российской пребывает лес,
и о нашем веке,
человечьем веке,
и о человеке, чуде из чудес.

Под седую старость
понимаешь малость,
что дано невечно чудо из чудес,
что и ты, прохожий,
лишь немного вхожий
в эти доли, скалы, небеса и лес.

И что счастье в жизни,
этак, лет за тысячи,
раз войдя в него, в то чудо из чудес,
помни: всё от бога,
не обидь другого,
эти доли, скалы, небеса и лес.

Как печальна картина сия

В. Т. Волошину

Как печальна картина сия,
как грустна и печальна, ей богу.
Сапоги, колеса колея,
этот дикий намёк на дорогу.

Я месил эту дикую грязь,
эту землю родную до боли,
до зари к ней по пояс склоняюсь
и к заре разгибаясь от поля.

И кому, не щадя моих сил,
будто надо действительно, чтобы
я, хребет надрывая, месил
эту грязь, эту землю до гроба.

кто, какой лицедей-ловелас,
за какую казённую льготу
ободрал меня тысячи раз
лишь за то, что я много работал.

Как печальна картина сия,
как грустна и печальна, ей богу.

Бог воздаст. А пока коля,
сапоги и намёк на дорогу.

Песня

Б.А.В.

Метель легла дороге вспять,
но трасса у развила
вильнула вправо и опять
метель перехитрила.

Рвут колёса дорогу со скоростью сто,
напряжённо неся своё бремя,
им увязывать выпало вместе зато
расстоянье, пространство и время.

Но слева ветру нипочём,
всё ищет жертву где-то,
и пляшут бесы под лучом
уже под ближним светом.

И опять по кривой в белоснежной огне
проплывает зелёная птица.
Сотни верст за спиной, только хочется мне
до рассвета домой воротиться.

И ветер правый, боковой,
слабеет у залива...

И снова трассу по кривой
мы рубим торопливо...

Не горюй, мы с мотором всегда заодно,
мы умеем нести своё бремя,
просто связывать, видно, не всем суждено
расстоянье, пространство и время.

Предосенний туман робко тронул подножия сосен

Предосенний туман робко тронул подножия сосен
Их сейчас усыпит пелена потускневшей зари,
и они поплывут, невесомые, медленно в осень.
Только ты не спеши, ты постой, ты ещё посмотри.

В этом мире мы все, все мы птицы немного, по-своему.
Ты прекрасна. Тебе высоко красоваться и петь.
Я бескрылый давно и болотом бреду беспокойно.
Мне идти и трубить, и уже никогда не взлететь.

За собой не позвать с высоты белорылую стаю.
И сейчас, созерцая, как сосны над миром плывут,
я клянусь перед миром, клянусь пред тобой, дорогая,
что взлечу лишь посмертно, к Олимпу, где боги живут.

Мне б ботфорты надеть и на рынке сидеть,
поторговывать,
да тесна в сорок обуви на вырост, как видно уже.
Несть свой крест, есть свой хлеб – что тут нового?
Разве что все мы птицы, по-своему, где-то в душе.

Я нарисую птицу

Елене

Я нарисую птицу,
не натюрморт – портрет.
Гордую, как орлицу,
быструю, как синицу,
птицу, которой нет.

Я нарисую птицу:
лебедя, журавля,
птицу, что с детства снится,
как в белосинем ситце
издалека Земля.

Певчую нарисую,
чтобы с холста и рам
песнь свою непростую
не налету, не всуе
пела мне по утрам.

Ну а когда парила
в два голубых крыла,
чтоб утончённой, милой
и превеликой силы

птица моя была.

Только, такое дело,
прямо из под пера,
выпорхнув, улетела
птица девочкой в белом...
снова пришла пора.

И не себе, отчасти,
тысячи лет, портрет
делаем в одночасье
той, что приносит счастье,
птицы, которой нет.

Когда раскрывалась душа

Когда раскрывалась душа,
как редко она раскрывалась,
и не наугад, не спеша,
вначале на самую малость,
и обожествляла собой
истоки и перворожденье...
И скалы, и моря прибой,
и даже что до сотворенья
собой окрыляла душа...
Как певчая из заточенья,
была она так хороша,
как таинство предошущенья
что скалы и злая волна,
что вечно седыми казались,
от тысячелетнего сна
пробудятся и пробуждались.
Обряд виртуозно верша
волшебным смычком Паганини,
одухотворяла душа
и храмы, и звёзды над ними.
А был он совсем не извне,
и гения ярче найти ли?
Жаль, скрипка играла не мне,
но музыкой музы гордились.

Он так и умер в неизвестности

Он так и умер в неизвестности.
Претила слава и ему.
Упрёки: в музыке нет светскости,
унёс непризнанным во тьму.

А музыка, рекой бедовою,
уйдя за стены, купола,
не светскою и не церковною,
она божественной была.

Она, как крестное знамение,
буравит лабиринты жил
и наполняет вдохновение
восторженным потоком сил.

Потомок, наслаждайся, мучайся,
иди за нею и пока
не сожалей о гордой участи —
она переживёт века.

Она уже всем миром узнана,
и принята, и прощена,
без импресарио, продюсерства,
как запоздавшая весна.

Она течёт и возвышается
из глубины, издалека...
Так виртуозно Бах общается
с тобой, мой друг, через века.

Песню жизни свою сам пою, создаю

Песню жизни свою сам пою, создаю.
И когда не хватает кому-то тепла,
всё, что в сердце имею своём, отдаю,
чтобы поле радело и песня была.

А взамен боль и горе людское беру,
мутным выплеском ночью на лист уроню.
Так рождаются строки кричать на миру,
удивляясь и радуясь новому дню.

По земле будут люди другие ходить,
будут песни другие сопутствовать им.
И на поле моём будут счастливо жить,
называя его беззаботно своим.

Поэзия

Волочусь за тобой, волочусь столько лет безутешно,
моя добрая-добрая, милая кляча моя.

Или я несчастливый, или попросту отроду грешный,
от того ли бреду за тобой неприкаянным я?

Ты спокойна, расчётлива, просто невозмутима.
Этот воз, не бунтуя и не пререкаясь, везёшь.
Не по воле богов, по ошибке проказника джина,
всё везёшь и везёшь, лишь ушами беззвучно прядёшь.

Неужели тебе незнакома весны лихорадка?
Неужели тебя не смутил соблазнитель – апрель?
И не стать ли тебе, о моя горевая лошадка,
вольнокрылым пегасом, парящим под гомон и трель?

И она прозревала и делом, почти что последним,
расправляла крыла, надлежащую выказав дрожь.
Говорила: ты прав, распрягай меня, слышишь, немедля,
а свой воз ты умеешь, ты сам без меня доведёшь.

И уже отряхнувшись от вечно мозолившей сбруи,
стороной, элегантно пройдя придорожный лужок,
задала стрекача, так что огненным веером струи,
струи искр разлетались, визжа, у неё из-под ног.

И стонала планета, и падало небо с испуга
на весенний, пьянящий свободой и потом навоз...
Я от связки устал, отпускаю последнего друга,
чтоб тянуть одному этот грешный, пожизненный воз.

Поэт в России...

Е.А.Евтушенко

Любовь, как коротка она.
Звездой ночью в утешенье
ей упадать. Обречена
поэтом на самосожженье.

И через муки маяты,
под жерлами версификаций,
он выливает, как цветы,
под натиск света куст акаций,

стихи. Сей выплеск – всплеск души,
в них отзвук – звук сердцебиенья.
Они постольку хороши,
поскольку преданы забвенью.

Когда поэтова душа
уже отделена от тела,
строфой и рифмою дыша,
к нам пробирается несмело,

и по задворкам, и задам
приходит, мучаясь, капризна,

на пир ехидствующих дам,
она на собственную тризну.

Она является как тень,
как призрак, еле уловима.
Она не вздыблет жизни день,
она не более, чем тень,
а ночь долга неумолимо.

Хотя и лёгок мысли бег,
под солнцем ей не прокормиться,
и потому свой долгий век
влачит поэзия в темнице.

Не потому ль взведён курок?
Нет, палачу поэт не пара,
ему всегда прописан срок,
десятка вместо гонорара.

Вознёсся Лермонтов, глупя,
за Пушкиным. Дуэль со всеми!
Кому пожертвовал себя
и Маяковский, и Есенин?

А Гумилёв, а Мандельштам,
а Хармс, а Кедрин? И кому же
их жизни помешали там,
где сам поэт давно не нужен?

Ахматова и Пастернак,
и Заболоцкий, и Жигулин,
сполна испив, лишь бог весть как
не угодившие под пули.

Ушли Цветаева, Рубцов,
Высоцкий и Тальков, я вижу
страну поэтов-мертвецов
и тишь задумчивую выше

чуть впереди твоей судьбы...
Зачем, Россия, с укоризной
тела их втиснуты в гробы,
и наспех спета злая тризна?

Постскриптум лживит, спасу нет.
Помин. Похмел. Народ умаслен.
Кому? И почему поэт
в моём отечестве опасен?

Кого смывал девятый вал
его порывов, откровений,
и кто нам в головы вбивал,
что враг народа дивный гений?

Закрыты на лета, навек,
живые кладези. Похоже,
поэт в России – не поэт,
заложник выстраданной ноши.

И до поры лишь не убит
отцами гор и нищим бытом,
– ещё быть пишет, быть влачит,
пока ещё не знаменитый...

Пророки все умерщвлены,
покуда денщики у власти.
Не от того ли все напасти
и бездны у моей страны?

Обозлясь на себя и со зла

Обозлясь на себя и со зла,
одурев от досады и злобы,
я разбил все свои зеркала
на осколки колючие, чтобы
их уже никогда не сложить,
ну а если и сложишь, не склеить,
если сердцу уже не ожить,
если попросту не во что верить.
Зеркала. О мои зеркала!
Вы привыкли, дурача, к изменам.
Вы само отражение зла,
и поэтому ртутью по стенам
растеклись. Видно, время пришло,
но я слышал в их трепете, боже:
Научись не разбрасывать зло,
если доброе сеять не можешь.
Никому не желаю со зла
не собрать – разбросать, не слукавить,
и кривые свои зеркала
по осколкам укладывать в память.

Я стихи сослагал

Я стихи сослагал,
но они никому не нужны,
разве что лишь тебе,
о бездомный, не спящий в ночи.
И тогда я решил:
запечатаю вещие сны
в разноцветные кирпичи.
И построю из них
много, много домов и печей.
И меня поминать
будут многое множество лет.
Будут счастливы люди
в домах из моих кирпичей,
в кои душу вложил поэт.

Сыну

Ты вновь приснился маленьким во сне,
за шею обхватив, как только мог,
прижавшись детской щёчкой ко мне,
к моей щеке. Прости меня сынок,

что не всегда на помощь в трудный час,
и мог узнать, и сразу поспешить,
что судьбы рано разлучили нас
и так и не смогли соединить.

И то, что боль отцовская была
всегда душевной раной со мной,
что не хватало моего тепла,
моей осталось болью и виной.

Прости, что вспоминаю без конца
и часто прихожу во сне к тебе,
но всё же ты, не забывай отца,
не всё решаем мы в своей судьбе.

Прости за то, что дать тебе не смог.
Будь к людям добр, старайся жить в чести.
Прости за всё, что знает только бог,
лишь ты и я. Прости, сынок, прости.

Мама

Годы пролетают быстрой птицей.
Оглянуться некогда подчас...
Лишь она мне видится и снится

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.